

В век информационных технологий, мгновенных сообщений, электронных писем хорошая книга порой добирается до читателей десятилетиями – так много вокруг «культурного мусора». В 1997 году в Магнитогорске был издан роман Владилена Машковцева «Время красного дракона». Книга прошла мимо внимания критиков и премиальных дискуссий. А жаль: роман того стоит. В уральском соцгороде то и дело возникают трагикомические ситуации, и красному террору, репрессиям здесь противостоит колдовство, нечистая сила да русская удаля. Машковцев – продолжатель старинного казачьего рода, родился он в 1929 году в станице Звериноголовской, что в Курганской области, и время его детства совпало с периодом, когда «красный дракон» революции пожирал своих детей, а заодно и «социально-опасные» элементы. Писатель, на чей памяти произошла ещё одна революция, теперь уже буржуазная (1991–1993 гг.), к подобным формам социального переустройства относится негативно. Жалеет он голубоглазую Фросю, погибшую в чекистских застенках, её деда, казака Меркульева, расстрелянного за хранение пулемёта, уцелевшего с Гражданской войны, шахтёра Григория Коровина, арестованного за мнимое вредительство. А бомжеватого Ленина, выгнанного из Кремля, и скитающегося по стране под видом двойника вождя, Машковцеву не жаль – сам виноват, думать надо было, когда раздувал мировой пожар в Отечестве.

Чувствуется в уральском писателе мощь, сила, яркий талант. Но разве певец босячества, а после – основатель метода социалистического реализма Максим Горький – меньший талант?!

Принимал участие в революционной пропаганде, был арестован, написал роман «Мать», примкнул к большевикам, восторженно встретил Февральскую революцию, ужасался деяниям Октября (в чём, впрочем, вскоре раскаялся), писал о строительстве Беломорканала... Гигантская фигура, и вместе с духовными колебаниями Горького «колебалась» и человеческая масса читателей, вдохновлённая «Песней о Буревестнике».

Горький – человек действия. Это консерваторы и либералы склонны к теоретизированию, а революционеры работают практически. Народники шли в крестьянство, эсеры стреляли в царских чиновников, большевики агитировали пролетариат, диссиденты занимались самиздатом, лимоновцы бросались помидорами и майонезом. Вот и Горький в молодости вместе с народником М. Ромасем в селе Красновидово поднимал на борьбу с царизмом рабочих и крестьян. Ошибка молодости? Или прирождённое чувство справедливости?!

Что интересно, революционеры в России всегда побеждали. Декабристы, хоть и были повешены, всё же разбудили Герцена, и стали при советской власти одними из «образцов для подражания». Гонимых при жизни Радищева и Чернышевского со временем стали повсеместно преподавать в школе. Вернулись – кто бы мог подумать – и диссидентствующие Бродский с Солженицыным.

«Чистого искусства» в России вообще было мало – ну, Фет, ну, Тютчев. (Из советских времён – Николай Рубцов.) Тургенев начинал с антиправительственных «Записок охотника». А Некрасов? «Буря бы грянула, что ли, / Чаша с краями полна!» А ранний Пушкин? А Лермонтов? «Настанет год, / России чёрный год, / Когда царей корона упадет...» Достоевский тоже не был паинькой в молодости (а Варлам Шаламов сидел за троцкизм), Лев Толстой мучился идеей ненасилия, а уж какой он был революционер по церковной части!.. Шолохов, работавший в ЧК, революционер или «слепой исполнитель»? А Есенин? Блок? Маяковский? Фадеев?

Ныне в обществе к революционерам и революционности относятся, скажем так, смущённо. Детям в школах внушают, что Пушкин был певцом гармонии, к самодержавию относился без претензий; Достоевского разбирают в дилемме «тварь я дрожащая или право имею?» (и всё время получается, что никакого права у простых смертных нет – современная Россия тому подтверждение); у Горького особо выделяют пьесу «На дне» (а вот как люди оказались «на доньшке» жизни – это «их проблемы», потому на смену чернухе 90-х пришла нахальная и весёлая глянцево́сть). В

прошлом остались революционер Рахметов, пытливый рабочий Павел Власов, беззаветный идеалист Павка Корчагин, романтики-молодогвардейцы. Но где же сегодня герои, готовые умереть или пойти в тюрьму за нечто большее, чем некая сумма денег?

* * *

В дни государственной лжи о Ельцине (после смерти Гаранта), как-то особенно не хватало лимоновцев – с майонезом и помидорами. Представим, что этих новых революционеров (оставим пока в стороне фигуру вождя) в нашей жизни нет. Какой пресной и обыденной показалась бы низовая повседневность, новая социальная система, та, где бедствуют пенсионеры, прозябают малоимущие, жируют чиновники и богачи!..

«...Современного человека приучили к тому, что ему всё нельзя, что он должен только работать как дурной всю жизнь и потом, не бунтуя, умереть», – говорит устами своего главного героя писатель Захар Прилепин в романе «Санькя». Каков же выход? «Нужно взбунтоваться. Нужно придумать, вычислить для нас, для нашей группы, для тех людей, кого мы считаем своими, другую модель жизни и навязать её».

Роман – наглядное подтверждение тезиса, что настоящее творчество всегда передаётся «из рук в руки», от мастера к ученику, к подмастерью. Автор художественно иллюстрирует (весьма бережно) политические воззрения Эдуарда Лимонова, кое в чём их смягчая. Прилепин, будучи нацболом, пишет о пережитом, роман – не выдувание из головы, а то, что называется выстраданным. Местами, впрочем, история революционера Саньки изложена торопливо, «вскачь», а образ его бывает весьма непригляден и мелок, и всё же – это честная литература, о которой автор может сказать: «Моё!». Описаны в романе и деяния новых революционеров – метание помидоров в министров, погром на московских улицах, захват зданий администраций в тридцати провинциальных городах.

В «Саньке» легко угадывается идейный вдохновитель бунтарей – он выведен под именем Костенко. В Лефортовской тюрьме вождь нацболов написал книгу лекций «Другая Россия». Письмо Лимонова – энергично, наступательно, художественно убедительно, а для молодого человека, часто однозначного в оценках, это не книга, а ядерный заряд.

«Другая Россия» начинается с живописания образа тех, за кого революционеры жертвуют жизнью: «Твой отец инженер или

работяга – злой, худой, неудачливый, время от времени надирается. А то и вовсе, никакого папочки в семье, мать – в облезлой шубейке. Глаза вечно на мокром месте, истеричная, измученная, говорит голосом, в котором звучат все ахи и охи мира... Семья, сучий потрох, гнойный аппендицит, группа тел, сжавшихся воедино во взаимном объятии страха».

Но сто́ит ли жертв это «быдло», пребывающее в затхлом миреке? Оценит ли «гнойный аппендицит» героизм революционера? И если «группа тел» счастлива настоящим, то значит, что революционеры совершают подвиг «для себя», теща свою гордыню?! Лимонов учит: «На улицы следует выходить не с плакатами “Фабрики – рабочим!”? “Землю – крестьянам!”, а с плакатами “Сексуальную комфортность – всем гражданам!” “Да здравствует промискуитет!”». И далее: «Семья дает одного партнёра, коммуна даёт многих. Революция 1917 года не решила эту проблему. Надо... поощрять все виды сексуальных союзов».

Писатель Прилепин, хоть и с почтением относится к вождю, эту часть революционного учения в своём романе обошёл стороной – к свальному греху читателя он не зовёт. Всё-таки отец троих детей, и, может быть, лимоновская идея об обязательном лишении девственности в 13 лет ему не кажется очень уж привлекательной... А может, и сам Лимонов, молодой папа, теперь переменил свои убеждения. Крестил же он своего ребенка в церкви, хотя в «Другой России» утверждал, будто «сегодня христианство выглядит как кукольный театр для недоразвитых детей, оно просто комично», а «наш Бог – планета Сатурн».

Горький в романе «Мать» писал: «Только те настоящие люди, которые сбивают цепи с разума человека». С этим трудно поспорить. Только за каждый «взлом» человечество платит страданиями. Ответственность художника, взявшегося быть «поводырём» масс, очень велика. Впрочем, в пылу борьбы, в упоении разрушения кто думает о таких мелочах? Ломать – не строить.

* * *

Удивительное это явление – «лимоновщина». Ни разу, кажется, не было предметного разбора этого «учения». Ни из романа «Санька», ни из программной книги «Другая Россия» в общем-то, непонятно, за что выступают лимоновцы, против чего бунтуют. Почему Лимонов вдруг оказался в одной связке с Михаилом Касьяновым и Гарри Каспаровым? Против Путина или против власти вообще? И против чего именно в Путине? За свободу Ходор-

ковского? Или против того, что в «полицейском государстве» как рулили в 90-е, так и по сей день рулят нерусские? (Эта тема совершенно не фигурирует у лимоновцев, а ведь слово «национал» есть в названии партии!).

Композиционно роман «Санькя» построен на чередовании действия и разговоров о «правильности выбранного пути» с различными оппонентами партийцев – с бывшим афганцем, с либералом Алексеем, евреем Лёвой, «государственником» Аркадием (в одном месте он почему-то назван Сергеем Юрьевичем). Иногда оппоненты высказывают весьма любопытные соображения – о том, что Костенко «был завербован ещё в США» и работает на разрушение России, или о том, что деятельность «союзников» (Союз справедливых – «СС» – под этим именем лимоновцы фигурируют в романе) объективно, вне зависимости от их индивидуальных устремлений, способствует развалу страны. Санька отвечает, в общем, неубедительно, хотя и горячо, непровергнутые аргументы – остаются. И с течением действия романа они только накапливаются.

Лимонов, раскрывая в «Другой России» свою программу-минимум, признаётся, что не ищет «особых людей» – рахметовых. Ему нужны маргиналы. Получается, что чем больше ненормальности в стране, чем хуже жизнь, тем шире у революционеров «социальная база». Лимонов призывает сбросить «власть стариков», дать дорогу молодым: «Выше 56 лет – пожилые люди, в просторечии старики. Разумным представляется вместе с пенсионной книжкой вручать гражданину, ушедшему на пенсию, уведомление о прекращении его права участвовать в выборах».

Каково? И как всё-таки похожи друг на друга революционеры всех времен! Вот и Горький в романе «Мать» противопоставляет молодёжь и пожилых: «...и потому юноши вызывают у старых судей мстительное, тоскливое раздражение ослабевшего зверя, который видит свежую пищу, но уже не имеет силы схватить её, потеряв способность насыщаться чужою силой и болезненно ворчит, уныло воев, видя, что уходит от него источник сытости».

Но разве не «старик» (по его же собственной классификации) сам Лимонов? Он, пожилой человек, навязывает молодым определённый образ жизни! «Насыщается чужою силой...» Все они, лимоновцы, вольно или невольно работают на известность вождя. Кто знает имена «декабристов» или «политэков», или тех, кто получил тюрьму или штрафы за «акции»? Очень узкий круг лиц – оперативники, соратники, адвокаты, родные и близкие. Массовому сознанию известен только Лимонов. Получается, что

нацболы-маргиналы – строительный материал для политика. Молодость не задумывается над такой мелочью, как жизнь, кажется, что времени впереди – вагон. И уж конечно, семья («болотная жижа») менее привлекательна, чем фигура Вождя – умного, дерзкого.

Молодых людей, ввязавшихся в лимоновщину, обыватель вряд ли поймёт. И впрямь: ну не глупо ли жертвовать жизнью ради чужого дяди, одержимого сластолюбием и честолюбием? Но других-то «дядей» нет!.. Кто, кроме Лимонова, предложил молодёжи «смерть за Отечество»? Пусть он даже это делает из своих властных амбиций, или из воспалённых фантазий, или потому, что «завербован». Но ведь никто больше не зовёт тех, кто жаждет подвига. (Нельзя же назвать упитанных функционеров «Единой России» вождями?!). Молодежь приходит к Лимонову с чистыми сердцами. И куда, к кому же идти, когда ты понимаешь, что не в твоих силах переменить этот мир, наполненный грязью и отрицанием красоты?! Неужели только смириться, приспособиться?!

Впрочем, иногда создаётся впечатление, что при всей жесткости борьбы с Лимоновым и лимоновцами, эта партия нужна сегодняшней власти как наиболее явный канал для выявления «идейных» и «социально озабоченных». Смерть Ельцина показала: если «наверху» нужно, то уж наше ТВ расстарается, чтобы убийцу демократии возвести в сан святых, чёрное выдать за белое и наоборот. «Умер великий политик, ушла эпоха, реформатор, государственный деятель, страна скорбит и т.д.». Однако ж, не нужны были и социологические опросы – интернет-народ (а это в основном люди молодые и среднего возраста – т.е. дети «демократии») в оценке деяний Ельцина был, практически, един. Скорбящих по Гаранту и считающих его чудачества великим благом для России оказалось не более, чем электората СПС – т.е. в пределах 5 %. Маргиналы?

Но это, кажется, не те маргиналы, что нужны Лимонову. Или те? (Судя по его единению с «Другой Россией»). Куцая очередь у Храма Христа Спасителя, где проходило прощание с Гарантом, стала наглядным подтверждением скудости народной любви к Чудовищу. Телевидение, однако же, выло и вопило, обливаясь «крокодиловыми слезами». Иногда нанятые плакальщицы завирались до такой степени, что сами начинали верить в величие усопшего...

Зато в случае с лимоновцами у наших консолидированных средств пропаганды нет какой-либо однозначности. Следует ли

это понимать, как «политическую неопределённость» самих авторов новостных программ?! Вряд ли. Скорее всего «замутнение» общественного сознания Лимоновым – часть провокативной политики государства.

* * *

Роман «Санька» замечательно иллюстрирует ту причудливую форму сознания и тип человека, который выплывает в лимоновской «колбе». Чтобы метнуть помидор в министра, требуется не меньше мужества, чем выстрелить в государственного чиновника из пистолета (этот тезис достаточно убедительно разворачивает в книге «союзник» Лешка Рогов). И всё же бросить помидор и убить человека – это разные вещи. Главный герой «Саньки» весьма переживает перед убийством латвийского судьи, и, в общем-то, рад, что ему не приходится это делать. В финале строй романа сбивается на «политическое фэнтези», на «благородный боевик» (а до этого перед нами «социальный роман»), и, захватывая базу МВД, а потом УВД и здание городской администрации, Санька и его соратники тоже стараются избежать кровопролития. Они даже великодушно набрасывают на плечи женщине-милиционеру бушлат... Но это уж действительно грёзы – «есть упоение в бою», и революций без жертв не бывает.

Автор, что и говорить, более человечен, чем его наставник. Радикализм в нём борется с реализмом – с жизнью, которая, с революцией или без, но всё же идёт своим чередом. И, конечно, она больше и полнокровней любой революции. Хотя... Не будь революционных выступлений крестьян (может быть, революционность – это свойство открыто и гласно возмущаться несправедливостью?) и крепостное право продлилось бы дольше 1861 года, а не будь химкинских пенсионеров, выступивших против «монетизации», обобрал бы их Зурабов ещё больше. По делам их узнаете их: пощёчина одиозному министру, майонез и помидоры – на дорогой костюм чиновника. Сколько учителей из закрытых и разрушенных школ мысленно проголосовали за эту акцию, сколько заслуженных учёных в душе согласились с поступком девушки-лимоновки!..

Но почему же так поражает убогость героя (сверхчеловека), нарисованного Лимоновым?! (Да и тот же прилепинский Санька – не ах...) А уж «образ будущего», которым грезит вождь нацболов, и вовсе грязен. Мерзок. В «Другой России» автор пишет: «В коммуне всегда можно найти себе партнёров по темпераменту, и количе-

ство партнёров для ласки очень велико. Между тем сексуальная комфортность – это огромная величина, это компонент счастья. Право на сексуальную комфортность важнее права на труд, и за сексуальную комфортность следует бороться больше, чем за зарплату. Такое устройство общества, при котором человеку самим этим устройством обеспечивается сексуальная комфортность, всегда будет пользоваться огромной притягательностью». (Как тут не вспомнить Григория Климова, который считал, что «стремление к власти есть следствие подавления противоестественного полового влечения»).

Семья – это вообще любимая мишень революционеров. В романе Горького «Мать» есть что-то глубоко лживое и нерусское, когда сын становится особенно ласковым с матерью на идейной почве (может, эта придумка появилась потому, что сам автор рос сиротой?!) В романе «Мать» та же, что и у Лимонова, борьба против семьи: «Я говорю, напрасно мужики женятся, только вяжут себе руки, жили бы свободно, добивались бы нужного порядка, вышли бы за правду прямо, как тот человек!». Рахметов у Чернышевского тоже «не должен любить». И, действительно, борись против чего-то большого (Государства, Бога) – будешь замечен. А борись за мир в семье, кто оценит, кроме жены?!

Несмотря на проповедь «целибата», сам Горький был женат. Но и Чернышевский – провозвестник «новых людей» – тоже. Писатели-идеологи. А нравственно ли призывать людей к тому, к чему ты сам не способен?!

Разновекторность человеческих усилий складывается в «направление», по которому движется народ, государство, человечество. Да, есть свои «ведущие» – наиболее сильные векторы. Но кто они? Сверхлюди? Орудия мировой судьбы? Великие честолюбцы? Слепцы? У «вождей» нет ни тени сомнений – имеют ли они право верховодить, куда-то звать людей. Что это? Счастливая возможность непонимания себя?! Прирождённая духовная слепота, соединённая с яркими писательскими способностями и общественным темпераментом? Или они и впрямь – **право имеют**?! И потому – правы?! Потому что при всей «картонности» написанного, многое так и произошло, как мечталось Горькому в романе «Мать». Иногда совпадения настолько буквальные, что создаётся впечатление, будто книга написана уже после 1917-го, году в 1932-м. (Реально – в 1906-м). Почему так? Был ли роман «чертежом», «планом», повлиявшим на будущее, по которому стала развиваться жизнь, или перед нами – предвидение гениального художника?!

У Лимонова: «Для государства было бы удобно, если бы все граждане были стариками и функциональными инвалидами, но так, чтобы у одного остались руки – на станке работать, у другого глаза – зачитывать нужные государству тексты, у следующей категории были бы только ноги – бегать по поручениям чиновников. Что, слишком гротескно? Да, гротескно, но отвечает духу Российского гребаного государства в первый год XXI века».

У Прилепина: «Гребаная страна, и в ней надо устроиться куда-то. Мести двор, мешать раствор, носить горшки, таскать тюки и вечером смотреть в телевизор, где эти мерзейшие твари кривляются, рассказывая, как они заботятся о тебе». Таковы размышления Саньки. Труд не одухотворён, он – тяжёл и туп, жизнь – беспросветна, информационное пространство – за-гажено.

Всё – правда. Как, впрочем, и то, что эти цитаты вполне могли бы принадлежать и писателям-диссидентам начала 80-х годов прошлого века. И тогда было «душно» (застой), и в те времена по телевизору было одно, а в реальности – другое, и чтобы быть «свободными», наиболее радикальные интеллигенты уходили «мести двор, мешать раствор, носить горшки».

Сейчас – лучше? И кому – лучше? За что боролись?!

Всё-таки революционность – это некая болезнь духа. Особенно в пожилом возрасте. Лимонов пишет о будущем устройстве общества: «Важно ориентироваться на удовлетворение интересов героической, сверхчеловеческой части населения нашей планеты, а большинство – приспособится. Мы их не забудем. Мы будем заботиться о них. Это большинству важны мизерные прибавки в рублях и долларах. Меньшинству необходима прибавка в свободе, в возможности задействовать свою агрессивность. Поэтому мы станем ориентировать нашу цивилизацию на агрессивное меньшинство – на маргиналов. Они есть соль земли. Мы призовём их во Вторую Россию, не только русских. Всех».

То есть большинство будет по-прежнему «мести двор, мешать раствор, носить горшки». Но прежде: «Старый мир следует разрушить ниже основания, разрушить так, чтобы выкорчевать все корни, все отрезки корней. Все институты России нужно будет создать заново. Ни одна из них не стоит того, чтобы быть сохранённой. Но созданы они должны быть только после тяжёлой работы глубинного разрушения. Задача разрушения будет даже

тяжелее и сложнее, нежели задача созидания. Ничто не должно быть оставлено. Следует сменить национальное мировоззрение».

Но ведь всё это полусумасшествие у нас уже было! Так для кого же мы будем строить Вторую Россию? Для китайцев? Они чадолюбивы, и вряд ли им понравится идея Лимонова передавать детей, как только начинают ходить, в Дома Детства – учреждения, где они «выращиваются и воспитываются государством». Для мусульман? Уж они точно не одобряют мысль о том, что «нужно разрешить многие виды семьи». Других претендентов на наши обезлюдевшие просторы, вроде бы, пока не прослеживается.

Революционность – это избыток жизненной энергии и молодой силы. Вопрос: на что её потратить? На походы по ночным клубам и кабакам? На сексуальные утехи? На стычки с милицией? На тупую, «ботаническую» учёбу, чтобы потом сидеть в офисе, обслуживая движение чужих капиталов?

А Христос? Разве он не был революционером? И разве жизнь по его заповедям не подвиг? Говорить правду, а не лукавить, призывает нас Христос. Говорить правду – разве для этого требуется меньше мужества, чем метнуть помидор в министра или выстрелить в государственного чиновника из пистолета?! Особенно – если ты журналист, редактор, писатель, телевизионщик. Говорить правду – даже если «красное словцо», или успех у читателей, или благосклонность твоих покровителей требует лжи или умолчания? Говорить правду – хотя ложь давно уже стала привычна первым лицам государства, и они её воспринимают как вид «общественной дипломатии». Говорить правду – хотя ты всем смешон в своём идеализме, «не умеешь жить». Говорить правду – в главном, в основном. И никогда не использовать людей, пусть даже «для их блага».

Но есть правда – и есть громкая, звонкая фраза. Есть правда – и есть упоение, самолюбование. Есть правда – и есть обольщение ложным. И есть два пути: один – изменять окружающий мир через партию, собрание энергичных маргиналов, другой – через свою собственную жизнь. «Стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи». Быть деятельным (а не только «обрядовым») православным человеком – это тяжелее, чем самая «революционная революционность».

И всё же... Святых – единицы, грешников миллионы. Не убий. Но и не молчи! А разве ельцинские реформы людей не убивали?! Сергей Радонежский благословил Дмитрия Донского перед Куликовской битвой. А кто из церковных иерархов благословил на

борьбу с ельцинским мироустройством? Или оно – справедливо? Праведно?

*...Не будет гнева – и не будет страха,
Гнёт богачей позорно повторится.
Пусть запьляет Стенькина рубаха
И удаль Пугачёва заискрится.
Подайте саблю!..*

Вот – рука моя:

*Да здравствуют мятежные края,
От Красной Пресни до твердынь Китая!
Восстань ты, Русь, единая, Святая,
И мы придём голодный люд утешить –
Прорабов перестройки в сейфах вешать
С банкирами, а из политбюро
Ловить просионистских проституток,
Кормить одной идеей десять сучок
И кока-колой сполоснуть нутро!..*

Это – отрывок из стихотворения Валентина Сорокина «Моей княжне». Написано в 1997 году, чуть позже оно было напечатано в книге «Отстаньте от нас!..». Тоже, вроде бы, «революционная литература». И даже менее «гуманная», чем «Санькя»: «Прорабов перестройки в сейфах вешать...», «ловить просионистских проституток». Но лирический герой стихотворения – действительно Герой. В нём есть духовная высота, соединённая с красотой поведения, слова. И эта высота – она будто вневременная, принадлежащая тысячелетней Святой Руси, а не только «пивному поколению».

И цель – ясна и справедлива: «И мы придём голодный люд утешить...». «Сучий потрох» и «голодный люд» – есть разница?

Борьба за социальную справедливость, за построение «Царства Божьего» на земле – вечна. А это, прежде всего, борьба за ресурсы. Материальные, информационные, духовные. В «Другой России» мы читаем, что «переход собственности в те или иные руки, в одни или во множество, не способен изменить основные условия жизни на Земле». Так что «прорабы» и «банкиры» могут спать спокойно – пассионарную молодёжь ведут всего лишь (если судить по книге) к сексуальному раскрепощению. Пусть извилистым путём – через метание помидоров в министров и оскорбление первых лиц государства. Зато впереди революционеров ждёт

награда: «В коммуне всё совершается случайно, спонтанно, все ласки дозволены, отказов нет. Отсюда возникает ощущение глубокого удовлетворения жизнью, глубокого тепла. Каждый любим всеми». Так было всё это уже! И теория «стакана воды», и общество «Долой стыд!».

...Но есть ещё один тип революции – национально-освободительной. «Дряхлая Индия» (характеристика Лимонова) сбросила колониальный гнёт. Вёл её духовный лидер Махатма Ганди. Он говорил: «Если желаешь, чтобы мир изменился, – стань этим изменением». А в Иране Аятолла Хомейни возглавил свой народ и победил в антишахской, антиамериканской революции.

«Вся власть, если она от Бога». Государство, лишённое духовных основ, не способно защищаться от внешних угроз и внутренних деструктивных влияний. Оно, конечно, может тихо умирать – без шума и конвульсий ещё лет двадцать. Но разве мы, коренные народы России, этого хотим?

России нужен духовный и религиозный лидер. И он придёт, если каждый из нас будет словом и делом приближать его явление.